

Не зря говорят, что барин — он и есть барин. Кожа у него белее, чем у девицы, сразу видно, что к бедному рабочему люду он никакого отношения не имеет. Однако этот господин отнюдь не был хрупким созданием: напротив, телосложение у него было крепкое. По мере того как одежда сползала вниз, обнажались его мощные грудные мышцы и рельефный пресс.

Фу Цзюньяо сглотнул слюну. Боже мой, этот человек наверняка не жалел сил на тренировки до того, как повредил ногу. Его мускулатура куда внушительнее, чем у тех современных смазливых актеришек, что ради вида объедаются яйцами и сутками пропадают в спортзалах. Так и подмывает потрогать, проверить, настоящие ли...

— Дзынь! Прошу хозяина как можно скорее помочь целевому объекту с омовением, иначе уровень симпатии снизится.

Фу Цзюньяо опомнился, тряхнул головой и, решив покончить с этим поскорее, принялся стаскивать с Чэн Цзинсюаня одежду. Но, как назло, от спешки всё валилось из рук. Рукав застрял, пришлось помогать, и он нечаянно коснулся кожи Чэн Цзинсюаня. Гладкая, нежная — сразу видно, из знатного рода, такая кожа даст фору любой современной девице, пользующейся самой дорогой косметикой.

Пока он возился, перед глазами вдруг возникла картинка: залитый солнцем пляж, рядом лежат белокожие красавицы, а посередине, закинув ногу на ногу, возлежит Чэн Цзинсюань. В темных очках, он медленно приподнимается, его крепкие, светлые мышцы слегка подрагивают, затем он соблазнительно кривит губы в ухмылке и манит Фу Цзюньяо пальцем...

Господин Фу молча запрокинул голову. В горле пересохло, в глазах поплыло, а нос подозрительно потеплел.

— Чего возишься? Давай быстрее, — с раздражением поторопил Чэн Цзинсюань.

Фу Цзюньяо вздрогнул, очнувшись. Его реакция показалась ему до крайности ненормальной. Он поспешно задрал голову, боясь даже взглянуть на Чэн Цзинсюаня, и принялся в уме повторять старую как мир мантру: не смотри, не слушай, не делай неподобающего. На ощупь он стянул с Чэн Цзинсюаня штаны.

Теперь на том осталось лишь исподнее. Даже у такого толстокожего парня, как Фу Цзюньяо, возникли трудности:

— Господин, это...

Чэн Цзинсюань, к великому удивлению, тоже покраснел. Он до смерти боялся, что Фу Цзюньяо увидит и начнет насмехаться, поэтому быстро опустил голову и заговорил еще быстрее:

— Хватит! Помоги мне скорее забраться в лохань, хочешь, чтобы я замерз?

Фу Цзюньяо пожал плечами. Пляжный сон окончательно развеялся. Он подхватил Чэн Цзинсюаня на руки. Изначально хотелось сделать это красиво, но господин Чэн — не какая-нибудь кисейная барышня, его мышцы весили прилично. Фу Цзюньяо пошатнулся, едва удержался на ногах и кое-как опустил Чэн Цзинсюаня в деревянную кадку.

Поскольку опыта в приготовлении отваров не было, воды Фу Цзюньяо налил слишком много. Черная как деготь жидкость перелилась через край, залив всё вокруг.

Чэн Цзинсюань нахмурился и холодно произнес:

— Как закончу мыться, вытри комнату начисто, три или пять раз пройдишь, ни одного уголка не пропусти. Чтобы запаха лекарства и духу не осталось, понял?

Ну вот, опять работа.

Фу Цзюньяо уныло коснулся лба и, сам не заметив как, пропищал в ответ:

— Слушаюсь, ваша светлость.

Чэн Цзинсюань тихо рассмеялся, отчего черная вода в кадке пошла приятной рябью.

Его светлая улыбка ослепила Фу Цзюньяо. Мозг отключился, и он, как дурак, ткнул пальцем в Чэн Цзинсюаня:

— Ты засмеялся? Оказывается, ты умеешь улыбаться!

— ...

Чэн Цзинсюань тут же стер улыбку с лица, снова нацепил маску человека, которому все должны по восемь миллионов, и, ухватившись за край кадки, отвернулся:

— Спину три!

— Спину, значит...

Фу Цзюньяо растянул слова. Его взгляд невольно опустился: сквозь черную воду проступали очертания белых мышц. Нос снова предательски потеплел.

5. Обеднение знатного дома — Дева (часть 4)

Впрочем, очень скоро Фу Цзюньяо осознал всю правду: даже если Дева красива, статна и имеет идеальное тело, мыть ей спину — сущий ад!

Господин Чэн: Левее немного, ты вообще умеешь тереть? Всю руку мне натер!

— Да-да, конечно, — младший брат Фу послушно сместился влево.

Господин Чэн: Слишком влево! Здесь уже тер, правее бери!

— Понял, понял, — младший брат Фу поспешно сместился вправо.

Господин Чэн: Слишком слабо! Так лекарство не впитается. Ты вообще врач? Ничего не понимаешь!

— Резонно, резонно, — младший брат Фу приложил больше усилий.

Господин Чэн взвыл:

— Больно! Ты нарочно, да?

Младший брат Фу машинально отмахнулся:

— Ага, конечно.

Атмосфера в комнате резко похолодала:

— Что ты сказал?!

Плохо дело!

Фу Цзюньяо поспешно поправился:

— Нет-нет, это всё мои руки неуклюжие, просто бестолковый я!

— Хм! — Чэн Цзинсюань с высокомерным видом отвернулся, не желая видеть эту глупую рожу.

— Иди смени полотенце.

Фу Цзюньяо вытаращил свои европейские двойные веки:

— Я же только что менял!

— М? — Господин Чэн нарочито растянул звук, а его бровь взлетела чуть ли не к самым волосам.

Младшему брату Фу пришлось пойти на попятную:

— Ладно-ладно, поменяю.

Проклятая чистоплотность Девы! Даже помыться спокойно не даст. Три раза протер — меняй полотенце; не прошло и четверти часа — снова недоволен, что руки грязные, заставляет мыть их вместе с ногтями, а как закончил — меняй воду в кадке. Хорошо, что он, Фу, оказался догадливым и заготовил трав с запасом, а то пришлось бы еще и лекарство заново заваривать. Утомиться можно!

Пока Фу Цзюньяо ворчал, собирая полотенца и меняя воду, он вдруг заметил, что солнце уже садится. Господин Чэн залез в ванну еще днем — получается, этот тип мылся целых четыре часа! У него кожа не сморщится?

— Это нормально. Лечебные ванны нужно принимать долго, иначе лекарственные свойства не проявятся.

Легкий голос прозвучал прямо в голове. Фу Цзюньяо вздрогнул, решив, что господин Чэн стал оборотнем. Он с опаской огляделся, но никого не увидел, хотя сердце колотилось как бешеное. Он ткнул в браслет созвездий на запястье:

— Это ты сейчас говорил?

Система ответила привычным сухим электронным голосом:

— Да.

Твою мать! В наше время даже системы превращаются в оборотней!

— Не пугай без дела, — недовольно буркнул Фу Цзюньяо и с полотенцем вошел в комнату. Издалека он увидел господина Чэна, который с таким блаженством развалился в ванне, что у него самого на глаза навернулись слезы.

Это точно испытание, посланное мне партией...

Наслаждавшийся процессом господин вдруг открыл глаза и тихо спросил:

— Ты считаешь меня невыносимым?

В голосе слышалась такая глубокая тоска, что Фу Цзюньяо замер. Неужели у этого живоде́ра Чэна проснулась совесть?

Чэн Цзинсюань сложил руки на бортике кадки. С того места, где стоял Фу Цзюньяо, была видна лишь его неподвижная спина, а ниже — черная вода и длинные, стройные ноги, которые, увы, не могли ходить, как у обычного человека.

Сердце Фу Цзюньяо словно что-то кольнуло. Ему стало не по себе.

Он выдавил из себя слабую улыбку и постарался сделать голос как можно более беззаботным:

— Вовсе нет. На самом деле, ты еще ничего. Я знал одну Деву, так у того тоже была мания чистоты — просто невыносимо! Перед едой трижды руки помое, иначе никто с ним за стол не садился. И при этом он жил по принципу: ко всем строг, к себе снисходителен. Сам может быть грязным — это ладно, а другие обязаны сиять! Плюс перфекционизм и обсессивно-компульсивное расстройство — такой человек кого угодно до безумия доведет.

Чэн Цзинсюань замер. Он не до конца понял эту сумбурную речь, но смысл был ясен — Фу Цзюньяо пытался его утешить.

Подумав об этом, Чэн Цзинсюань вдруг покачал головой, и на его губах заиграла улыбка, которую он уже не мог скрыть.

Ну что ж... тогда и не буду скрывать.

Стоило ему это осознать, как он словно прозрел: всё тело расслабилось, он перестал придирается и капризничать, не издал ни звука, пока Фу Цзюньяо возился с ним, и в итоге закончил процедуру раньше обычного.

Несмотря на это, время было уже позднее. Фу Цзюньяо зажег новую свечу и в последних лучах заката приступил к иглоукалыванию.

Фу Цзюньяо, первоклассный оператор службы поддержки, чьим единственным инструментом был голос, в медицине разбирался как свинья в апельсинах. Конечно, вылечить хромоту Чэн Цзинсюаня можно было только с помощью системы. К счастью, те безумцы из технического отдела разработали систему созвездий, а не медицинскую, и лечение не было основной задачей, поэтому система без лишних вопросов выдала ему инструкцию.

Оказалось, что причина хромоты Чэн Цзинсюаня — костные наросты на коленях. В современном мире это распространенная болезнь, причин которой три: либо возрастные изменения, либо профессиональное заболевание из-за неправильной осанки, походки или

долгого сидения, либо генетика.

У Чэн Цзинсюаня случай был сложнее: костные наросты, помноженные на чрезмерные нагрузки и неправильное положение ног. Он и не подозревал о болезни, пока неудачно не упал, после чего состояние ухудшилось, и он захромал. Иглоукалывание могло помочь, но процесс был крайне болезненным.

Серебряные иглы нужно было вводить в редкие болевые и зудящие точки. Лечение напоминало пытку: сначала кажется, что тебя бросили в яму со змеями, и тысячи ядовитых тварей впиваются в тело, а потом наступает невыносимый зуд, будто под кожей ползают тысячи муравьев. Один только сеанс длился больше двух часов, после чего нужно было нанести едкую мазь и ждать еще полчаса. К концу процедуры нижняя часть тела наверняка теряла всякую чувствительность.

Фу Цзюньяо был шокирован такой болезненной терапией, но Чэн Цзинсюань привык к подобному. Он молча зажал в зубах чистую ткань, вцепился в края кровати и кивком дал понять, что готов.

Фу Цзюньяо пришлось взять на себя роль врача. Он прокалил иглы над свечой, чувствуя, как дрожат пальцы, и неуверенно спросил:

— Начинаем?

— Угу, — Чэн Цзюань закатил глаза, всем видом показывая, как его раздражает эта нерешительность.

Фу Цзюньяо глубоко вздохнул, нашел болевую точку на ноге и вонзил иглу на треть глубины.

Чэн Цзинсюань вздрогнул, тело вытянулось в струну, он издал долгий свистящий вдох — боль пронзила его до костей, но он не проронил ни звука.

В груди Фу Цзюньяо что-то болезненно сжалось, он едва не выронил иглы. Он смутно чувствовал, что с ним происходит что-то не то, но сейчас не время отвлекаться! Он принялся отчаянно дышать, заставляя себя не замечать реакции Чэн Цзинсюаня, и методично вонзал иглы — на пять частей, на семь...

После окончания сеанса Фу Цзюньяо был весь в поту, спина едва разгибалась. Он, пошатываясь, отошел, взял мазь и принялся осторожно наносить её на кожу. Лишь когда всё было закончено, он осмелился взглянуть на пациента.

Чэн Цзинсюань был без сознания, волосы и подушка насквозь пропитались потом, красивое лицо исказилось от перенесенной боли, а тело было таким напряженным, словно у ожившего мертвеца из страшных сказок.

Даже от такой боли он не издал ни стога, до последнего сохраняя образ гордого барина. Зачем так мучиться?

Фу Цзюньяо хотел было отпустить шутку, но то самое странное чувство боли в груди вернулось. Ему стало трудно дышать, боль распространялась по всему телу, сдавливая грудную клетку. Перед глазами всё поплыло, он провел рукой по лицу и обнаружил, что ладонь влажная от слез.

Это правда... чувство боли в сердце?

Как странно!

Это непонятное, чуждое чувство вызвало у Фу Цзюньяо бурю подозрений и тревоги. Он, даже не убрав аптечку, выбежал из комнаты и принялся яростно тыкать в браслет созвездий:

— Система, выходи! Система, покажись!

— Дзынь! Первая система тестирования созвездий Цзиньцзян к вашим услугам. Чем я могу помочь хозяину?

— Мои эмоции с самого начала работают не так! Почему, как только я увидел эту занудную Деву, мне всё в нем стало нравиться? Почему я реагирую, когда вижу его раздетым? Почему я едва не плачу, глядя на его страдания, и хочу принять боль на себя? Это не мои эмоции!

— Э-э...

Какой догадливый хозяин, так быстро всё понял. Система немного растерялась, но через мгновение ответила сухим, холодным электронным голосом:

— Возможно, хозяин незаметно для себя влюбился в Деву?

— Не носи чепухи, я не Телец! — Фу Цзюньяо сорвал с руки браслет. — Говори правду, иначе тест закончен, я сейчас же брошу тебя в печь, в конце концов, сгорим вместе!

— Нет-нет, не надо! — Система знала, что Фу Цзюньяо способен на такое, и поспешила пойти на уступки. — Хорошо, я скажу, но это коммерческая тайна Цзиньцзян, ты обязан хранить молчание!

Фу Цзюньяо закатил глаза:

— Я в виртуальном мире, кому я могу это рассказать?

Система подумала и решила выложить всё как есть:

— В этом тесте, помимо структуры мира, предоставленной техническим отделом, есть еще одна новая система от отдела разработки — система эмпатии. Твои странные реакции — это её влияние, это нормальное явление, хозяину не стоит беспокоиться.

— Система эмпатии? Что за чертовщина! — Фу Цзюньяо внутри себя буквально взорвался.

В голове снова прозвучал сухой голос:

— Как следует из названия, она переносит чувства оригинала на хозяина, чтобы тот не был просто сторонним наблюдателем, а по-настоящему сопереживал. Система еще тестируется, побочных эффектов не обнаружено. Как только хозяин завершит задание и покинет этот мир, она автоматически отключится.

— ...Твою мать, почему ты раньше не сказала!

Система тихо пробормотала:

— Ты ведь и не спрашивал...

— ...Черт возьми!

6. Обеднение знатного дома — Дева (часть 5)

Старый деревянный дом, у порога висят пучки полыни, которые не успели убрать после праздника Дуань-у. Из черного глиняного горшка, в котором варилось лекарство, поднимался тонкий сизый дымок. Фу Цзюньяо сидел на пороге, одной рукой лениво обмахиваясь веером, а другой ковырял облупившуюся краску на старой двери.

Это место изначально было территорией соседской желтой собаки по кличке А-Хуан. Но Фу Цзюньяо бесцеремонно занял его, и А-Хуан, как законный владелец, в знак протеста залаял на него, пуская слюни. В конце концов, у господина Фу проснулась совесть, и он бросил собаке косточку, оставшуюся после готовки.

А-Хуан тут же радостно схватил кость и убежал.

— Дурацкая собака, ха-ха, — весело рассмеялся Фу Цзюньяо. Ему стало неудобно сидеть на пороге, он заерзал и невольно повторил движения А-Хуана, который вилял хвостом.

С тех пор как они перешли на новый рецепт, ноги Чэн Цзинсюаня стали намного лучше. Уже

через полмесяца он смог встать на ноги с помощью трости, но для полного восстановления нужно было еще долго принимать отвары, что снова ложилось тяжким бременем на плечи Фу Цзюньяо.

Так как лекарства были разные, нужно было строго соблюдать очередность: сначала полчасика на сильном огне, потом час на медленном, чтобы из трех чаш воды осталась одна — только так можно было максимально раскрыть свойства трав. Поэтому Фу Цзюньяо не доверял никому и каждый день в полдень сидел у двери Чэн Цзинсюаня, деля территорию с А-Хуаном.

Наконец лекарство было готово, но Чэн Цзинсюань еще спал. В комнате было тихо, казалось, даже дыхание могло потревожить его покой. Раз лекарство еще горячее, Фу Цзюньяо решил оставить его остывать, прежде чем будить барина.

После сеанса иглоукалывания Чэн Цзинсюань лежал на кровати — то ли спал, то ли потерял сознание от боли. Его руки судорожно сжимали одеяло, на лбу проступили капли пота, брови были нахмурены, а длинные ресницы отбрасывали тень — выглядел он весьма привлекательно.

Должно быть, ему очень больно, подумал Фу Цзюньяо, склонив голову набок.

Боль от хромоты, боль от лечения, боль от упадка семьи, боль от потери родителей... Всё это сплеталось в его сердце в густую сеть, из которой невозможно выбраться. А ведь Девы больше всего заботятся о своем достоинстве, всё держат в себе. Чэн Цзинсюань был среди них чемпионом — даже если выбьют зубы, проглотит их вместе с кровью, но не пикнет. Капризный, с тяжелым характером, манией чистоты и перфекционизмом — список его недостатков можно было обернуть вокруг Земли, но было одно достоинство: он в глубине души никогда не сдавался, иначе давно бы всё бросил.

Фу Цзюньяо скрестил руки на груди и задумчиво покосился на кровать:

— Если так подумать, сила воли у этого парня покрепче моей... но внешне я всё же симпатичнее...

— Опять болтаешь чепуху? — Оказалось, Чэн Цзинсюань уже проснулся.

— Ничего, ничего, — господин Фу мгновенно превратился в младшего брата Фу и с подобострастной улыбкой протянул чашу. — Господин, выпейте лекарство.

— Вечно несешь околесицу, — проворчал господин Чэн, закончив свою ежедневную порцию критики, и одним махом выпил горький до одури отвар.

— Когда я смогу нормально ходить? — спросил он.

Фу Цзюньяо забрал чашу и подал чашку чая:

— Еще не скоро. Говорят же, до свадьбы заживет, а тут — кости и сухожилия. Сколько ты лежишься? Чтобы полностью восстановиться, нужно еще месяца два.

Чэн Цзинсюань отпил чаю и глубоко нахмурился:

— Мне не обязательно быть как все. Лишь бы отбросить трость, даже если буду немного прихрамывать, ходить медленнее — это не беда.

— Чего ты вечно хмуришься, как семидесятилетний старик? Ну, через полмесяца, может, и получится. Что случилось?

Чэн Цзинсюань промолчал, лишь плотно сжал губы. На лице было написано: я глубоко озабочен. Даже слепой бы заметил.

— Ты так торопишься? Гм... если нужно что-то сделать, я могу взять это на себя.

До того как стать младшим братом Фу, он был воплощением лени, и произнести эти слова было для него сродни чуду. Но господин Чэн не оценил порыва, лишь изогнул бровь и спросил:

— В туалет тоже за меня сходишь?

— ...Могу сделать так, что ты вообще не захочешь! — пробурчал он про себя. — Хм, тигр не рычит — за кота принимают?

Однако вслух Фу Цзюньяо сказал:

— Господин прав! Господин такой остроумный!

Господин Чэн смерил его презрительным взглядом, сунул чашку в руки и бросил:

— Уходи, я хочу отдохнуть.

Фу Цзюньяо вышел как ни в чем не бывало, но слова Чэн Цзинсюаня запали ему в душу. Он начал внимательно наблюдать и вскоре понял: что-то не так.

С тех пор как он сломал ногу, господин стал невероятно тревожным. А чем сильнее тревожился, тем яростнее становился, срываясь на всех по пустякам. Кроме приема лекарств и туалета, во всем остальном он требовал к себе особого внимания.